

Содержание

Предисловие	7
Глава 1. Месмеризм и популярная наука	11
Глава 2. Месмеризм как движение	58
Глава 3. Радикальное течение в месмеризме	98
Глава 4. Месмеризм как радикальная политическая теория	128
Глава 5. От Месмера до Гюго.	150
Заключение	188
Библиографическое примечание.	196
Приложение 1. Постулаты Месмера	200
Приложение 2. Парижская среда ученых-любителей.	202
Приложение 3. Общество вселенской гармонии	204
Приложение 4. Лекции Бергасса по месмеризму	208
Приложение 5. Эмблема Общества гармонии	212
Приложение 6. Точка зрения антимериста	214
Приложение 7. Французские цитаты, приведенные в тексте книги в переводе	220
Именной указатель	237

*Посвящается памяти
моих родителей и Джону*

Предисловие

Цель данной книги куда масштабней ее скромных размеров: в ней я предпринимаю попытку исследования умонастроений и систем мировосприятия, господствовавших в образованной среде французского общества непосредственно перед тем, как Великая французская революция вытеснила их на периферию общественного внимания. Столь самонадеянный замысел, без сомнения, обречен на неудачу, ибо никому не дано проникнуть в умы людей, ушедших из жизни вот уже почти двести лет тому назад. И все же попытка приблизиться к пониманию этого способа мышления может в какой-то степени окупиться, если мы обратимся к выпавшим из поля исследовательского внимания ключам и подсказкам, оставленным нам самой эпохой на страницах тогдашних научных журналов и брошюр, в карикатурах на злобу дня, в отрывках популярных уличных песенок, равно как и в «письмах к издателям», платных анонсах готовящихся изданий, которые раскладывали на столах в гостиницах и кафе того времени, и, конечно, в сохранившихся в архивных фондах рукописей частных письмах, дневниках, полицейских рапортах и отчетах о заседаниях всевозможных клубов и обществ. Эти документы позволяют хотя бы составить представление об интересах читающей публики 1780-х годов, а эти интересы, в свою очередь, свидетельствуют о некоторых неожиданных сторонах радикализма указанного периода. На их примере можно проследить, как именно радикальные идеи просачивались из философских трактатов своего времени, вроде «Общественного договора» Руссо, в самые малообразованные слои общества.

Поскольку определить весь спектр тем, которые интересовали людей того времени, не представляется возможным (даже если речь идет исключительно об оставивших по себе письменный след представителях элиты), в своих изысканиях я решил обратиться к предмету, который, кажется, занимал их умы больше других, а именно — к науке в целом и месмеризму в частности. Конечно, читатель может удивиться моему выбору и счесть его недостойным серьезного внимания, однако не стоит забывать о той временной пропасти, что отделяет нас от жителей Франции 1780-х годов. Французы той эпохи видели в месмеризме авторитетную систему, способную дать объяснение Природе и ее чудесным незримым силам, а иногда — силам, управляющим обществом и политикой. Они столь глубоко впитали основы месмеризма, что передали его идеи своим детям и внукам в качестве одной из важнейших мировоззренческих доминант, определившей контуры феномена, который ныне принято называть романтизмом. Неудивительно, что это наследие никогда и никем не признавалось, ведь последующие поколения, более разборчивые в отношении сомнительных, псевдонаучных истоков своих собственных представлений об окружающем мире, благополучно позабыли о Месмере и о том, как он властвовал умами на закате Старого режима. Наше исследование призвано вернуть Месмеру его законное место рядом с Тюрго, Франклином и Калиостро в пантеоне самых обсуждаемых фигур той эпохи. Может быть, оно позволит лучше понять, как идеи Просвещения перековывались в революционные лозунги, а затем превращались в элементы целого ряда сформировавшихся в XIX веке учений. Таким образом, эта книга поможет разобраться, как именно завершилась эпоха Просвещения — пусть не окончательно и бесповоротно (ведь кто-то и в наши дни воспринимает всерьез Декларацию независимости и Декларацию прав человека и гражданина), — но как сугубо

исторический феномен, характерный для Франции XVIII века. Помимо прочего, она может помочь читателю проникнуться духом далекого прошлого. Не исключено, что читатель сочтет данную книгу достойной внимания хотя бы ради достижения этой последней, более узкой цели, ведь в ней — одна из главных радостей при изучении истории.

Что же до меня самого, то львиной долей удовольствия от своего исследования я обязан Гарри Питту и Роберту Шеклону из Оксфордского университета. Также я хотел бы выразить благодарность всем тем, кто оказывал мне поддержку при подготовке данной книги к изданию, а именно попечителям Фонда имени Сесила Родса, декану и членам Совета Наффилдского колледжа в Оксфорде, Обществу преподавателей Гарвардского университета, а также Ричарду Коббу, Джону Пламенатцу, Филипу Уильямсу, Крэйну Бринтону, Джонатану Бичеру и Джону Ходжу, которые читали и редактировали книгу на разных стадиях ее готовности. Отдельно следует упомянуть семью Бергасс дю Пети-Туар, которая со щедростью и гостеприимством, которые явно порадовали бы ее галло-американских предков, предоставила мне доступ не только к интересовавшим меня источникам, но и к шато, в котором они хранятся.

Дабы не перегружать текст постраничными ссылками, я сгруппировал их в конце книги, расположив цитаты в том же порядке, в каком они встречаются в тексте. Чересчур длинные названия книг и трактатов XVIII века приводятся в сокращенном виде. Места и даты публикации упоминаемых в книге работ (в том числе и явно вымышленные, такие как «Филадельфия» или «Луна») приводятся так же, как на титульных листах оригиналов; если имена авторов, места и даты публикации не указываются, значит, они не указаны и в оригинале. Орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами

(за исключением цитируемых названий). Я перевожу французское понятие *magnétisme animal* (которое нередко сокращалось авторами того времени до *magnétisme*) как «месмеризм» вопреки мнению одного из современных экспертов, который полагает, что термин *mesmérisme* вошел в употребление лишь в начале XIX века¹. На самом деле во Франции 1780-х годов понятия *mesmérisme* («месмеризм») и *magnétisme animal* («животный магнетизм») использовались как синонимы.

Кембридж, Массачусетс, апрель 1968 г.
Роберт Дарнтон

1. H.S. Klickstein, review of Bernard Milt, *Franz Anton Mesmer und seine Beziehungen zur Schweiz* // *Bulletin of the History of Medicine*, 1955, Vol. XXIX, P. 187.